менной стѣной въ 3 метра толщины;судя по этому и по лабиринту подземныхъ ходовъ, археологи заключили, что онъ былъ въ свое время неприступной крѣпостью, охранявшей расположенные по близости золотые рудники. Британское правительство объявило Зимбабіе и его окрестности національной собственностью и предоставило эту область для географическихъ и археологическихъ изслѣдованій. Съ тѣхъ поръ ученые разныхъ національностей пытались выяснить происхожденіе и время возникновенія таинственнаго города, но, вслѣдствіе чрезвычайно не

Savon Cadum

2 frs

Строго нейтральное. Мыло Кадумъ не раздражаетъ кожу. Сохраняемое послѣ изготовленія на фабрикѣ до тѣхъ поръ, пока послѣдніе слѣды влаги не исчезнутъ, Мыло Кадумъ абсолютно сухое и длится вдвое дольше, чѣмъ обыкновенное мыло. Мыло Кадумъ лучшее въ мірѣ мыло для туалета.

прекрасно организованной и снаряженной экспедиціей. Результаты работъ этой экспедиціи, только что ставшіе извѣстными, вызвали сенсацію среди спеціалистовъ.

Культура негровъ

Миссъ Томисонъ пришла къ заключенію, въ противоположность всѣмъ существовавшимъ до сихъ поръ предположеніямъ, что городъ Зимбабіе построенъ между шестымъ и четырнадцатымъ вѣкомъ по Р. Х., неграми, принадлежащими, по всѣмъ признакамъ, къ племени Банту. Характеръ построекъ и найденные при раскопкахъ предметы свидѣтельствуютъ о высокой культурѣ и цвѣтущей промышленности страны. Какъ въ ср. вѣка, отдѣльное африканское племя могло достигнуть такого расцвѣта и почему такая высокая культура неожиданно безслѣдно исчезла, вотъ вопросъ, который предстоитъ рѣшить изслѣдователямъ, чрезвычайно заинтересовавшимся новой загадкой.

Дѣло Алмазіана

Результаты новой экспертизы, какъ вчера уже сообщалось въ «Посл. Нов.», оказались очень благопріятны для Алмазіана. Его защитникъ, Легранъ, обратился на этомъ основаніи къ слѣдователю съ новымъ ходатайствомъ объ освобожденіи Алмазіана.

Въ бесѣдѣ съ газетными сотрудниками Легранъ заявилъ:

— Я очень доволенъ результатами экспертизы. Эксперты не могутъ опредѣлить ни происхожденія, ни давности кровяныхъ пятенъ. Какъ можно при такихъ условіяхъ держать Алмазіана въ тюрьмѣ?

Вспыхнувшая еще въ ноябрѣ эпидемія чумы среди туземцевъ до сихъ поръ не прекратилась. Заболѣло 100 человѣкъ, умерло 60. Распоряженіемъ министра предписывается уничтожать крысъ и другихъ животныхъ, передатчиковъ заразы, во всемъ районѣ между Венигингомъ и Іоганнесбургомъ.

Шахматный турниръ въ Ниццѣ

Ницца, 20 февраля.

Результаты 7-го тура: **Арайза** выигралъ у О-Ханлона, **Колль** у Дюшана, **Томасъ** у Мааса, **Зноско-Боровскій** у Зейца. Рейли - Тартаковеръ, Мароцци - Костичъ сдѣлали ничью.

Положеніе турнира послѣ 7-го тура: **Томасъ 6, Зноско- Боровскій 5,5, Тартаковеръ 5, Колль и Костичъ по 4,5.**

Результаты побочнаго турнира: Рометти выигралъ у Стюартъ-Иренса, Константенъ у Беннисъ-Лунса, г-жа Холловей у Потбума, Барнетъ у Фридмана, Кибль у Буна, Вильневъ у Бардыгина.

Положеніе побочнаго турнира: г-жа Холловей и Рометти по 5,5, Потбумъ 5, Вильневъ и Стюартъ-Иренсъ по 4,5.

ГРЕНОБЛЬ

23 февраля, въ 4 часа дня, въ обычномъ помѣщеніи (58, рю Дальмбертъ) состоится семейная вечеринка: докладъ о. Езерскаго съ преніями, чтеніе русскихъ авторовъ, музыка.

сунокъ на бѣломъ фонѣ. — былъ переданъ въ Австралію, въ Сидней. оттуда изображеніе было переслано обратно въ Шенектади. Операція передачи заняла одну восьмую долю секунды.

Забытый поѣздъ

Въ Манчестеръ изъ Генсбору прибылъ поѣздъ мѣстнаго сообщенія, о которомъ какъ то всѣ позабыли. На вокзалѣ не было желѣзно - дорожныхъ чиновниковъ, носильщиковъ, поѣздъ никто не встрѣчалъ, у рогатокъ не было никого, кто бы отбиралъ билеты.

И только, когда пассажиры скопились у выхода, на станціи спохватились, что пришелъ поѣздъ, прибытія котораго не ждали.

Концерты Паделу

Въ концертахъ Паделу, въ театрѣ Елисейскихъ Полей, 22 и 23 февраля, будетъ исполнена торжественная месса Бетховена. Въ качествѣ солистокъ выступаютъ Натана Юнкевичъ и артистки Грандъ Опера г-жи Вита и Жувъ. Въ программѣ концертовъ, кромѣ того, «Парсифаль» Вагнера и «Богъ-Побѣдитель» Олебера.

Непринятыя рукописи не возвращаются, и ни въ какую переписку по поводу нихъ редакція не вступаетъ

19. Скоро собираюсь возвращаться въ Румынію. 1) Нужно ли мнѣ взять картъ д-идантитэ? 2) Сколько придется платить? 3) Какъ поступить?

Отвѣтъ. — 1) Необходимо. 2) Сто франковъ за карту и сто франковъ штрафа, т.-е. всего двѣсти франковъ. 3) Пойдите въ префектуру, залъ ном. 136, представьте паспортъ, пять фотографій и сертифика де домисиль.

Кабашъ. Вопросъ. — Живемъ въ департаментѣ Сенъ э Уазъ. Въ 1929 году въ обмѣнъ на просроченныя картъ д-идантитэ получили ресеписсэ. Нужно ли ихъ теперь мѣнять?

Отвѣтъ. — Обратитесь въ учрежденіе, выдавшее вамъ ресеписсэ, и просите о выдачѣ новыхъ картъ д-идантитэ.

Кордонскому. Вопросъ. — Имѣю картъ д-идантитэ, въ которой обозначена профессія "обойщикъ". Теперь работаю въ мѣховомъ дѣлѣ и хотѣлъ бы, чтобы при обмѣнѣ мнѣ въ новой картѣ поставили нынѣшнюю мою профессію. Какъ поступить?

Отвѣтъ. — Возьмите у хозяина предпріятія удостовѣреніе о службѣ съ указаніемъ профессіи и получаемаго жалованія и пойдите въ префектуру залъ Норъ-Уэстъ, столъ ном. 10 для возобновленія карты и перемѣны профессіи.

(1805); SYMPHONIE N° 5 UT MINEUR
BEETHOVEN..
Дириж. GASTON POULET.

Th. de l'Avenue
105-й
105-й **РЖАВЧИНЫ** 105-й
5, rue du Colisée. 105-й
tél. Elys. 49-34

LE ROUCHO
Монпарнассъ, 18, rue d'Odessa
Ежедневно **ТАНЦЫ**
отъ 8 съ пол. ч. веч., а по субб. и воскр. отъ 4 ч. дня
БАЛАЛ. ОРК. **Черноярова**
Открыто до 2 ч. ночи

Издат. „СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ“
Вышла изъ печати новая книга
П. Н. МИЛЮКОВЪ
Очерки по исторіи русской культуры
Т. III. НАЦІОНАЛИЗМЪ И ЕВРОПЕИЗМЪ
Юбилейное изданіе. **ЦѢНА 50 ФРАНК.** Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.
Заказы принимаются въ издательствѣ 106, rue de la Tour, Paris (16) и на складѣ:
Fremsprachen— Buchhandlung. H. Sachs, Berlin S. W. 48 Hedemannstr, 6,
«Москва» 9, rue Dupuytren, Paris (6).

Мих.

Вернер

Н. П. Кондаковъ

(КЪ ПЯТИЛѢТІЮ СО ДНЯ СМЕРТИ)

Высокій, плотный, съ большой сѣдой головой, съ суровымъ, умнымъ лицомъ, въ тяжелой и очень добротнаго качества одеждѣ, онъ при первомъ же знакомствѣ внушалъ уваженіе къ себѣ, граничащее со страхомъ, даже людямъ, не имѣвшимъ понятія объ его научномъ значеніи. Говорилъ низкимъ басомъ, рѣзко, увѣренно и отчетливо. Но, когда бывалъ въ хорошемъ расположеніи духа и улыбался, то все лицо его озарялось добротой и становилось очень привлекательнымъ.

Во всемъ — въ людяхъ, вещахъ, ѣдѣ — онъ прежде всего цѣнилъ доброкачественность. Подѣлки не выносилъ, самая незначительная недобросовѣстность выводила его изъ себя. Будучи очень строгъ и почти придирчивъ къ себѣ, онъ былъ строгъ и къ другимъ. Всякое проявленіе слабости вызывало въ немъ чувство презрѣнія, и онъ съ рѣдкой безпощадностью и прямотой высказывалъ его. Когда же встрѣчалъ достоинства, то цѣнилъ ихъ очень высоко. Какъ большинство людей, обладающихъ умомъ и чувствомъ дѣйствительности, былъ большимъ пессимистомъ. Сурово относился къ Россіи, не вѣрилъ въ государственную способность русскихъ людей.

— Нѣтъ-съ, русскіе люди ни на что не годны! — отчетливо и съ раздраженіемъ говорилъ онъ порой. — Я казакъ по происхожденію и очень радъ, что во мнѣ нѣтъ ни капли русской крови. Я такъ и началъ свои мемуары...

Особенно не любилъ онъ Москвы, москвичей считалъ льстивымъ, лукавымъ, жестокимъ народомъ.

— Петербургъ несравнимо лучше, — утверждалъ онъ. — Тамъ и работаютъ лучше, чѣмъ въ Москвѣ.

Но, несмотря на такую вражду ко всему русскому, онъ самъ былъ глубоко русскимъ человѣкомъ: взять хотя бы эту самую безпощадность ко всему родному, это вѣчное самообличеніе...

Познакомилась я съ Кондаковымъ въ Одессѣ, весной 19 года, когда мы попали подъ иго совѣтской власти, которую онъ ненавидѣлъ острой ненавистью.

Онъ занималъ вмѣстѣ съ Е. Н. Яценко, своей ученицей и помощницей въ научныхъ работахъ, двѣ комнаты въ квартирѣ профессора Линиченко, на тѣнистой Елизаветинской улицѣ. Благодаря энергіи и преданности Е. Н., заботливости которой онъ вообще былъ многимъ обязанъ, онъ все же хорошо питался, жилъ въ чистотѣ. Но все же приходилось и ему стирать свое бѣлье, такъ какъ онъ не могъ допустить, чтобы «барышни возились съ этимъ»...

Недалеко отъ насъ былъ одинъ прелестный садъ, скрытый съ улицы зданіями, и потому вскорѣ ставшій мѣстомъ встрѣчи многихъ «подозрительныхъ» людей. Туда приходилъ и онъ иногда.

Дни были тревожные — по уѣзду шли возстанія нѣмцевъ - колонистовъ. И вотъ, Н. П. со сдержаннымъ волненіемъ, тихо разсказываетъ, что у нихъ въ домѣ взяты заложники — нѣмцы, имѣющіе родственниковъ среди возставшихъ. Я высказываю надежду, что колонисты продержатся до прихода добровольцевъ, которые въ ту пору, даже по совѣтскимъ сводкамъ, одерживали побѣду за побѣдой.

— Нѣтъ, сударыня, я и въ добровольцевъ плохо вѣрю. Ужъ очень мало государственнаго смысла въ русскихъ людяхъ, — отвѣчалъ со вздохомъ, своимъ низкимъ басомъ Н. П. — Радъ буду, если ошибусь на этотъ разъ, но, кажется, очень плохо вѣрю...

Послѣ освобожденія Одессы отъ большевиковъ Н. П. ожилъ, помолодѣлъ, Казалось, даже его вѣчному невѣрію пришелъ конецъ.

Но не прошло и мѣсяца. какъ снова — и все отчетливѣй — началъ раздаваться его критическій басъ.

Все же, когда ему предложили стать вмѣстѣ съ И. А. Бунинымъ руководителемъ добровольческой газеты «Южнаго Слова», онъ тотчасъ согласился и исполнялъ взятыя на себя обязанности съ удивительной добросовѣстностью.

Въ тревожные декабрьскіе и январскіе дни, передъ деникинской эвакуаціей, мы видались ежедневно: рѣшили «бѣжать» вмѣстѣ и хлопотали для этого вездѣ, гдѣ можно, общими усиліями. Помогли намъ французы, которые съ необыкновеннымъ почтеніемъ относились къ Н .П. Они дали ему вмѣстѣ съ И. А. Бунинымъ отдѣльную каюту и позволили грузиться на пароходъ заранѣе, наканунѣ отхода его, Намъ съ Е. Н. назначили мѣста въ общей дамской каютѣ, но не успѣли мы и оглянуться, какъ всѣ мѣста тамъ, равно какъ и въ каютъ компаніи, оказались занятыми, и намъ пришлось уплотнить каюту Н. П. и И. А., хотя была она необыкновенно мала.

Пароходъ нашъ былъ очень не великъ, а народу тьма: всѣ корридоры, всѣ закоулки были заняты людьми, багажемъ. Въ первомъ классѣ каюты занимали богатые одесситы. швейцарская колонія, французскій консулъ; а въ каютъ - компаніи, тоже переполненной, царствовала молодежь: — двѣ актрисы, баритонъ, юная композиторша, прибѣжавшая на пароходъ въ одной котиковой шубкѣ поверхъ капота, нѣсколько «невѣстъ» французскихъ офицеровъ, нѣсколько студентовъ... Всѣ они почему-то очень веселились: пѣнію, шуму, крикамъ и смѣху конца не было. И Н. П., который воспринималъ людей художественно и который въ тѣ дни чаще всего былъ мраченъ, то и дѣло повторялъ съ крайнимъ раздраженіемъ:

— Позоръ! Что только будутъ думать о насъ всѣ эти французы и швейцарцы! Вѣдь не пикникъ же это въ самомъ дѣлѣ!

Однако, порой, приготовляя кофій по какому то своему собственному рецепту,дѣлавшему его безвреднымъ, сидя на своемъ коротенькомъ диванчикѣ и какъ-бы забывая все окружающее, онъ приходилъ въ спокойное состояніе духа. И тогда я старалась наводить его на разсказы о минувшей жизни. Разсказывалъ онъ очень хорошо, обстоятельно, но безъ лишнихъ подробностей, умѣлъ въ короткихъ словахъ опредѣлить человѣка такъ, что его сразу, бывало, увидишь. Онъ много путешествовалъ и по Европѣ, и по ближнему Востоку, сталкивался съ людьми самыхъ разнообразныхъ званій, профессій и національностей. Съ особенной нѣжностью всегда говорилъ онъ о своемъ ученикѣ М. И. Ростовцевѣ. Зато, повторяю, если рѣчь заходила о человѣкѣ, котораго онъ не уважалъ, то пощады тутъ ужъ не не было. Особенно доставалось отъ него людямъ, «подававшимъ надежды» и не оправдавшимъ ихъ. Зарытый въ землю талантъ онъ считалъ не только грѣхомъ, а даже преступленіемъ передъ самимъ собой и обществомъ.

Константинополь встрѣтилъ насъ сурово: онъ былъ весь въ снѣгу. Уже въ Мраморномъ морѣ, когда насъ таскали неизвѣстно зачѣмъ въ Тузлу, Н. П. простудился и сталъ кашлять, — вообще, несмотря на мощный обликъ, здоровье его всегда было не велико, легкія слабы, такъ, что только самая строгая гигіена спасала его. И насъ очень тревожила необходимая процедура при высадкѣ — дезинфекція, которая могла кончиться для Н. П. смертельной болѣзнью, ибо дезинфекція эта заключалась въ томъ, что голыхъ людей сгоняли въ какой то сарай на берегу Золотого Рога и заставляли стоять на каменномъ полу подъ чуть теплымъ душемъ. Тутъ, однако, спасла находчивость И. А. Онъ въ этомъ сараѣ сталъ вдругъ кричать, что они съ Н. П. «immortels», а Н. П. еще и кавалеръ ордена Почетнаго Легіона, что подвергать ихъ опасности никто не имѣетъ права. Какъ ни странно, это подѣйствовало и на француза - врача, и на турецкаго чиновника, и наши «безсмертные» получили разрѣшеніе на въѣздъ въ городъ, не продѣлавъ «дезинфекціи».

Когда мы вышли на набережную, было уже поздно, наступалъ вечеръ. Н. П. очень сердился и волновался: съ заходомъ солнца, по турецкому обычаю, насъ могли не впустить въ городъ. А ни носильщиковъ, ни подводъ кругомъ не было, и мы, стоя передъ грудой чемодановъ, не знали, что предпринять, какъ вдругъ съ грохотомъ подкатываетъ откуда то огромная фура - грузовикъ, изъ нея выскакиваютъ турки и безъ разбору хватаютъ всѣ чемоданы и сундуки, лежащіе на набережной. Мы едва успѣваемъ подсадить Н. П. и вскочить сами, какъ уже куда то мчимся.

Начинаемъ смотрѣть, куда насъ мчатъ. Оказывается, летимъ мимо Айя - Софіи, потомъ по какимъ то узкимъ стамбульскимъ улочкамъ съ жалкими деревянными домишками, потомъ куда то къ Мраморному морю. Наконецъ, останавливаемся передъ высокимъ краснымъ домомъ, стоящимъ въ глубинѣ большого двора. Мигомъ турки выбрасываютъ весь багажъ за ворота, и фура исчезаетъ.

И. А. и Е. Н. идутъ на развѣдку, а я остаюсь съ Н. П. сторожить багажъ.

— Ну и порядки! — возмущается онъ. — Хорошее начало эмиграціи!

Домъ оказывается пустой, огромный, съ большими, высокими комнатами: въ нѣкоторыхъ навалены тюфяки, въ нѣкоторыхъ стоятъ козлы съ досками: и никого, кромѣ двухъ негровъ - великановъ, не говорящихъ ни на одномъ европейскомъ языкѣ. Мы завладѣваемъ одной изъ этихъ комнатъ, перетаскиваемъ туда всѣ наши сумки и чемоданы. Кондаковскіе оказались невообразимо тяжелы, — кожаные, съ рукописями, фотографіями...

Было холодно, мы зябли, хотя все время подогрѣвались коньякомъ, вывезеннымъ изъ Одессы. Н. П. «чувствовалъ свое сердце». Кашель его все усиливался, а изъ разбитаго окна несло снѣгомъ, вѣтромъ.

Размѣстились мы кто на голыхъ доскахъ, кто прямо на полу, на тюфякахъ.

На слѣдующее утро единогласно рѣшили, что отсюда нужно убираться, какъ можно скорѣй. — иначе, не успѣешь и оглянуться, какъ окажешься на одномъ изъ Принцевыхъ острововъ, на «обезьяньемъ мясѣ», котораго мы и на пароходѣ не ѣли, предпочитая голодать. Дверь была безъ ключа. Нужно было кому - нибудь остаться съ вещами. Рѣшили, что останется Н. П. И какъ запечатлѣлся онъ въ моей памяти въ эту минуту —сидящимъ на чемоданѣ у окна, съ толстымъ костылемъ въ рукѣ, въ широкополой надвинутой на лобъ шляпѣ, въ допотопномъ пальто съ пелериной изъ необыкновенно прочнаго драпа! Отъ всей его массивной фигуры вѣяло безнадежно - покорнымъ отчаяніемъ.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ бѣготни по разнымъ учрежденіямъ, намъ неожиданно повезло. Нашъ бывшій консулъ, очень любезный человѣкъ, предложилъ намъ переселиться къ нему, предоставивъ въ наше распоряженіе двѣ комнаты.

Потомъ мы стали хлопотать о визахъ. Долго шли обсужденія, гдѣ опустить якорь. Рѣшили ѣхать въ Софію, — тамъ въ то время была французская оккупація, а Н. П. очень любилъ и цѣнилъ французовъ. Кромѣ того въ Болгаріи имя его пользовалось большимъ авторитетомъ.

Однако, у французовъ произошло съ нимъ большое и прискорбное недоразумѣніе: чиновникъ, чего то не понявъ въ нашихъ паспортахъ, такъ накричалъ на Н. П., что съ нимъ чуть ударъ не сдѣлался.

Конечно, потомъ чиновнику сильно досталось, къ намъ пріѣзжали извиняться, но Н. П. уже не могъ забыть этого оскорбленія и какъ то сразу измѣнился къ французамъ. Можетъ быть, отчасти отъ этого онъ и отклонилъ предложеніе французскаго правительства переѣхать въ Парижъ. Недаромъ не разъ говорилъ онъ послѣ этой исторіи:

— Нѣтъ-съ, ноги моей никогда не будетъ больше во Франціи!

Въ Софію онъ ѣхалъ въ третьемъ классѣ, въ страшной тѣснотѣ, безъ сна и покоя.

Въ Софіи насъ помѣстили въ отелѣ, реквизированномъ французами, гдѣ жили и другіе бѣженцы.

Жизнь наша была очень тяжела тамъ. Н. П. былъ особенно хмуръ.

Я спросила его однажды: что же онъ, наконецъ, рѣшаетъ оставаться въ Софіи или ѣхать дальше?

— Не знаю, сударыня, — отвѣтилъ онъ съ необыкновенной печалью.

И сталъ перебирать страны, куда можно поѣхать. Оказалось, что одни онъ ненавидитъ, а другія презираетъ:

— Нѣтъ, тяжело жить, усталъ, пора умирать! — сказалъ онъ.

Въ иныя минуты онъ мечталъ объ Италіи, гдѣ было бы хорошо ему и «для здоровья, и для работы», и куда, какъ извѣстно, онъ получилъ приглашеніе стать «гостемъ итальянскаго короля», — приглашеніе, уже не заставшее его въ живыхъ...

Наконецъ, болгары предложили ему каѳедру съ наивысшимъ окладомъ. Онъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, принялъ это предложеніе.

— Да, остаюсь, — сказалъ онъ: — усталъ отъ неопредѣленности, отъ бивуаковъ!

Довелось мнѣ видѣть его разъ въ Софіи, въ музеѣ. Тутъ онъ опять сразу преобразился, засіялъ, сталъ подвиженъ, оживленъ. — даже голосъ его зазвучалъ мягче. Онъ то и дѣло, просилъ снять высоко повѣшенные картину, образъ, чтобы разсмотрѣть ихъ ближе, и, увлекаясь, начиналъ читать цѣлыя лекціи.

Послѣ принятаго рѣшенія онъ успокоился, сталъ опять на досугѣ, за чашкой чая, дѣлиться впечатлѣніями, предаваться воспоминаніямъ. Я довольно часто заходила въ его небольшой номерокъ, которому Е. Н. сумѣла сразу придать уютность и домовитость. Я еще больше узнала изъ его разсказовъ о его прежней жизни. Узнала о Москвѣ, гдѣ онъ начиналъ свою научную дѣятельность (и гдѣ два его пріятеля, два молодыхъ ученыхъ, «взяли» съ его письменнаго стола составленную имъ грамматику и издали ее подъ своими именами), о его жизни въ Петербургѣ, о его квартирѣ, въ которой было собрано много произведеній искусства, объ его многолюдныхъ «субботахъ», о дачѣ въ Ялтѣ, гдѣ онъ встрѣчался съ Чеховымъ, котораго очень цѣнилъ и любилъ, о путешествіяхъ въ св. Землю...

Вотъ уже пять лѣтъ прошло со дня его кончины, и почти десять, какъ мы разстались. Я часто вспоминаю его и думаю о той великой горечи, которую онъ долженъ былъ унести съ собой въ могилу...

В. Муромцева.